

Знакомство с биографией Д. С. Лихачева в школе

(рекомендации Н. Ю. Конасовой).

Конасова Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

В разделе представлены документы и материалы, отражающие основные этапы (вехи) жизненного пути Д.С.Лихачева (1906-1999) и направления его деятельности¹.

Раздел начинается большим отрывком из воспоминаний Д.С.Лихачева, посвященным периодам детства и юности. Ссылка на воспоминания дана в соответствующем подразделе и на книгу и на один из электронных адресов ее публикации в Интернете, для того, чтобы при необходимости учителя и учащиеся могли шире познакомиться с ними. Полный текст воспоминаний, охватывающий период от рождения до конца 1940-х годов, достаточно обширен (более 200 страниц) и его включение полностью в настоящее издание не представляется возможным. В то же время даже публикация отрывка воспоминаний дает возможность учителю показать «живой» облик Лихачева, как представителя российской культуры начала XX века. Элементы этой культуры отражены в воспоминаниях в характеристике предков Д.С.Лихачева, его семьи, описании облика Петербурга, быта и нравов учебных заведений, в которых обучался Лихачев. Отрывок из воспоминаний о детстве и юности занимает значительное место в разделе и потому, что именно этот период жизни Д.С.Лихачева наиболее близок для восприятия подростков. Обращение к детству, юности Лихачева поможет осознать каким образом родовые корни, семейные традиции, интеллектуальная и духовная атмосфера детских, юношеских лет формирует личность, влияя на ее становление, мировоззрение, взгляды и поступки.

¹ Фондом имени Д.С.Лихачева создан специальный сайт, посвященный Д.С.Лихачеву. На нем размещены полная библиография и избранные труды Д.С.Лихачева, свод иконографических материалов, включая видеоматериалы выступлений и интервью. См.: <http://likhachev.fond.spb.ru/>

В других подразделах текста, посвященных учебе в Ленинградском университете, периоду заключения, довоенному периоду, блокаде также представлены небольшие фрагменты воспоминаний Д.С.Лихачева.

Все подразделы, наряду с фактическим материалом, содержат также фрагменты статей, очерков о Лихачеве, написанных его коллегами, друзьями. Такой подход к конструированию текста может быть использован и при подготовке «уроков Лихачева», в которые очень важно привнести эмоциональное, личностное начало. Завершает текст раздела подборка наиболее ярких, характерных отзывов современников Лихачева, отражающих своеобразие его нравственного облика, каким он остался в памяти современников. Эти отзывы могут стать своеобразными эпиграфами к урокам, их смысл может стать предметом самостоятельного обсуждения.

Систематизация страниц биографии Д.С.Лихачева по подразделам дает возможность построить тематические «уроки Лихачева», а также сформировать цикл или целую надпредметную программу для старшеклассников, назвать ее, например, «История интеллигенции XX века». В основу такой программы и может быть положена научная, общественная биография Д.С.Лихачева, ее цель - выявление и освоение наиболее ярких «родовых» характеристик интеллигенции как общественного феномена, определяющего развитие российской культуры, нравственные идеалы общества. Возможна также разработка элективного курса той же направленности для учащихся классов гуманитарного профиля.

Целесообразно использование материалов биографического очерка для проведения уроков, внеклассных мероприятий для учащихся разного возраста. Так, разрабатывая уроки для учеников начальной школы (3-4 класс) можно обратиться к периоду детства Лихачева. Для проведения такого урока следует привлечь его воспоминания, в которых подробно описаны жизнь Петербурга начала XX века, быт семьи Лихачевых, отдельные представители его рода, ближнее семейное окружение, школьные годы.

Объектом изучения старшеклассников могут стать научная биография и общественная деятельность Лихачева, этап, связанный с его арестом и заключением.

Материалы научной биографии дают возможность выявить роль и значение научных текстов для анализа исторических явлений и событий. Содержание общественной деятельности Д.С.Лихачева, период его заключения, могут стать основой для проведения диспутов, например, такой тематики: «И один в поле воин», «Не человека создают обстоятельства, а человек их».

Материалы биографического очерка о Д.С.Лихачеве составлены таким образом, чтобы на их основе учитель мог построить уроки разных жанров.

Например, урок – размышление «Трудно ли быть интеллигентом в России?» можно построить на фактах биографии Д.С.Лихачева, приведенных в очерке и отражающих перипетии судьбы русской интеллигенции в XX веке.

Урок, основанный на биографии Д.С. Лихачева, может иметь и аналитический характер, а в его основу положен проблемный вопрос «Нравственный человек, кто это...?». В этом случае предметом анализа, как для учителя, так и для учащихся становится текст очерка, из которого отбираются характеристики, отражающие своеобразие и уникальность духовного пути ученого.

На анализе текста биографического очерка возможно и построение уроков по темам: «Что может ученый?», «Зачем изучать старые книги?». В этом случае предметом анализа и обсуждения является научная и общественная деятельность Д.С.Лихачева, осмысление основных результатов его научной деятельности, подвижничества в деле сохранения культуры.

Для работы с текстом биографии, ее, а также отрывки из воспоминаний при соответствующих ресурсах школы, возможно, разместить на сайте образовательного учреждения.

Возможен вариант разработки школой собственного сайта, посвященного Лихачеву, Для его создания могут пригодиться материалы фонда им. Д.С.Лихачева. В год Лихачева, школой, или группой школ могут быть организованы читательские конференции, конкурсы, в том числе основанные на изучении биографии. Подобного рода конкурсы творческих, исследовательских работ, эссе, можно озаглавить «Размышления о Д.С.Лихачеве», ориентируя учащихся на создание собственного портрета Лихачева: студента Ленинградского

университета, политического заключенного, жителя блокадного Ленинграда, ученого, общественного деятеля.

Так как жизнь и деятельность Д.С.Лихачева охватывает значительный исторический период, еще не изученный учащимися начальной и основной школы, целесообразно, в содержание уроков включать исторический экскурс, с характеристикой тех процессов и явлений, свидетелем которых был Д.С.Лихачев. Для оптимизации процесса подготовки уроков могут быть использованы учебники истории, рекомендованные Федеральным перечнем учебных изданий. Их список помещен в указателе литературы, который завершает биографический раздел.

1. Детство и юность (фрагменты воспоминаний Д.С. Лихачева)²

С рождением человека рождается и его время. В детстве оно молодое и течет по-молодому – кажется быстрым на коротких расстояниях и длинным – на больших. В старости время точно останавливается.

Воспоминания открывают нам окно в прошлое. Они не только сообщают нам сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников.

Я не считаю таким уж важным мое собственное развитие – развитие моих взглядов и мироощущения. Важен здесь не я своей собственной персоной, а как бы некоторое характерное явление.

Отношение к миру формируется мелочами и крупными явлениями. Их воздействие на человека известно, не вызывает сомнений, и самое важное – «мелочи», из которых складывается работник, его мировосприятие, мироотношение. Об этих мелочах и случайностях жизни и пойдет речь. Естественно, что в моей своего рода «автобиографии», представляемой сейчас вниманию читателя, доминируют положительные воздействия, ибо отрицательные чаще забываются. Человек крепче хранит память благодарную, чем память злую.

Род Лихачевых

Согласно архивным данным основатель петербургского рода Лихачевых –

² Лихачев Д.С. Воспоминания/ Ред. Т.Шмакова.-2-е изд., перераб. - СПб.: Logos, 1999. Полный текст воспоминаний опубликован на нескольких сайтах, в том числе и на сайте Музея имени Андрея Сахарова: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author.xhtml?id=105>

Лихачев Павел Петрович – из «детей купеческих Солигаличских» был принят в 1794 г. во вторую гильдию купцов Санкт-Петербурга. Приехал он в Петербург, конечно, раньше и был достаточно богат, ибо вскоре приобрел большой участок на Невском проспекте, где открыл мастерскую золотошвейного дела на два станка и магазин – прямо против Большого Гостиного двора.

Семидесяти лет Павел Петрович и его семья получили звание потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Звание потомственных почетных граждан было установлено манифестом 1832 г. императором Николаем I с целью укрепить сословие купцов и ремесленников. Хотя звание это и было «потомственным», право на него мои предки подтверждали в каждое новое царствование получением ордена Станислава и соответствующей грамотой. «Станислав» был единственным орденом, который могли получить не дворяне. Такие грамоты на «Станислава» были выданы моим предкам Александром II и Александром III. В последней грамоте, выданной моему деду Михаилу Михайловичу, указаны все его дети и в числе их мой отец Сергей. Но отцу уже не пришлось подтверждать своего права на почетное гражданство у Николая II, так как благодаря своему высшему образованию, чину и орденам он вышел из купеческого сословия и принадлежал к «личному дворянству», т. е. отец стал дворянином, впрочем, без права передавать свое дворянство детям.

Потомственное почетное гражданство мой прапрадед Павел Петрович получил не только тем, что был на виду в петербургском купечестве, но и постоянной благотворительной деятельностью. В частности, в 1829 г. Павел Петрович пожертвовал три тысячи пехотных офицерских сабель Второй армии, сражавшейся в Болгарии. Об этом пожертвовании я слышал еще в детстве, но в семье считалось, что сабли были пожертвованы в 1812 г. во время войны с Наполеоном.

Все Лихачевы были многодетны. Мой дед по отцу Михаил Михайлович имел собственный дом на Разъезжей улице (№ 24) рядом с подворьем Александро - Свирского монастыря, чем объясняется, что один из Лихачевых пожертвовал крупную сумму на построение часовни Александра Свирского в Петербурге.

Мой отец Сергей Михайлович, уйдя из дома, стал жить уроками, самостоятельно закончил реальное училище, поступил в только что открывшийся

Электротехнический институт (он помещался тогда на Новоисаакиевской улице в центре города), стал инженером, работал в Главном управлении почт и телеграфов. Он был красив, энергичен, одевался щеголем, был прекрасным организатором и известен как удивительный танцор. На танцах в Шуваловском яхт-клубе он и познакомился с моей матерью. Оба они получили приз на каком-то балу, а затем отец стал ежедневно гулять под окнами моей матери и в конце концов сделал предложение.

Моя мать была из купеческой среды. По отцу она была Коняева (говорили, что первоначально фамилия семьи была Канаевы и неправильно записана в паспорт кому-то из предков в середине XIX в.). По матери она была из Поспеевых, имевших старообрядческую молельню на Расстанной улице у Раскольниковского моста близ Волкова кладбища: там жили старообрядцы федосеевского согласия. Поспеевские традиции и были самыми сильными в нашей семье. У нас по старообрядческой традиции никогда не было собак в квартире, но зато мы все любили птиц. По семейным преданиям, мой дед из Поспеевых ездил на парижскую выставку, где поражал великолепными русскими тройками. В конце концов, и Поспеевы и Коняевы стали единоверцами, крестились двумя перстами и ходил в единоверческую церковь – где теперь Музей Арктики и Антарктики.

Отец и мать мои были уже типичными петербуржцами. Сыграла тут роль и среда, в которой они вращались, знакомые по дачным местам в Финляндии, увлечение Мариинским театром, около которого мы постоянно снимали квартиры. Чтобы сэкономить деньги, каждую весну, отправляясь на дачу, мы отказывались от городской квартиры. Мебель артельщики отвозили на склад, а осенью снимали новую пятикомнатную квартиру.

Детство

Жили мы так. Ежегодно осенью мы снимали квартиру где-нибудь около Мариинского театра. Там родители всегда имели два балетных абонементов. Достать абонементы было трудно, но нам помогали наши друзья – Гуляевы. Глава семьи Гуляевых играл на контрабасе в оркестре театра и поэтому мог доставать ложи на оба балетных абонементов. В балет я стал ходить с четырехлетнего возраста. Первое представление, на котором я был, – «Щелкунчик», и больше всего меня поразил снег, падавший на сцене, понравилась и елка. Потом я уже бывал

вечерами и на взрослых спектаклях. Было у меня в театре и свое место. Между нашей ложей и первым местом балкона оставалось маленькое клиновидное местечко, где сидеть мог только ребенок, – это место и было моим. Балеты я помню прекрасно. Помню, как «вылетала» на сцену «коротконожка» Кшесинская в бриллиантах, сверкавших в такт танцу. Какое это было великолепное и парадное зрелище!

С тех пор балетная музыка Пуни и Минкуса, Чайковского и Глазунова неизменно поднимает мое настроение. «Дон Кихот», «Спящая» и «Лебединое», «Баядерка» и «Корсар» неразрывны в моем сознании с голубым залом Мариинского, входя в который я и до сих пор ощущаю душевный подъем и бодрость.

Все в семье было поставлено на службу балету: главному удовольствию родителей. Но, посещая балет, надо было играть роль богатых. Он стоил не мало, и экономили на всем. Сперва снимали квартиру на дешевой Петербургской стороне и при этом экономили на извозчике: когда Нева покрывалась прочным льдом, шли пешком через Неву, а там извозчик стоил на несколько копеек дешевле, чем прямо от театра.

По вечерам дома мы играли в любимое цифровое лото, играли в шашки; отец обсуждал прочитанное им накануне на ночь – произведения Лескова, исторические романы Всеволода Соловьева, романы Мамина-Сибиряка. Все это в широко доступных дешевых изданиях – приложениях к «Ниве».

Как ребенка, меня всегда тянуло заглянуть за фасады домов: что там? Но об этом я больше узнавал из рассказов взрослых.

Неравенство жителей Петербурга бросалось в глаза. Когда возводились дома, строители носили кирпичи на спине, быстро поднимаясь по доскам лесов с набитыми на доски планками вместо ступней. По черным лестницам доходных домов дворники носили дрова тоже на спине, ловко забирая дрова со специальных козел, стоявших во дворе. Во двор приходили старьевщики-татары; кричали «халат-халат!». Заходили шарманщики, и однажды я видел «петрушку», удивляясь ненатуральному голосу самого Петрушки (петрушечник вставлял себе в рот пищик, изменявший его голос). Ширма у петрушечника поднималась от пояса и закрывала его со всех сторон: он как бы отсутствовал.

Ходили мы смотреть столетних гренадер из Золотой роты у памятника Николаю I. Это были солдаты, служившие еще Николаю I. Их, оставшихся собирали со всей России и привозили в Петербург. Ходили мы и на разводы караула к Зимнему. Вся церемония происходила во дворе на специальной платформе, мы ее не видели. Но на развод семеновцы и преображенцы шли с музыкой, игравшей бравурные марши – оглушительно под аркой Генерального штаба, отзывавшейся эхом.

Вьющиеся среди регулярно распланированных улиц каналы нарушали государственный порядок города. В Александровском саду против Адмиралтейства существовали разные развлечения для детей (зимой катания на оленях, летом – зверинец и пруды с золотыми рыбками) среди дворцов, словно под присмотром бонн и гувернанток. Марсово поле пылило в глаза при малейшем ветре, а Михайловский замок словно прищурился одним среди многих единственным замурованным окном комнаты, где был задушен император Павел.

Погода в Петербурге менялась очень часто и всегда сопровождалась каким-то особым настроением. Зимой то тихо падает снег, то завивается или бурно мчится, то мокрыми хлопьями, то сухой крупой, то сечет лицо холодом, то нежно его остужает.

Летом духота и жара делают человека слабым и безразличным – прохожие приостанавливаются, стоят без видимой цели и заботы. Лошади падают от солнечных ударов. Собирается гроза, и гром гулко сотрясает железные крыши домов. Нева меняет окраску: из спокойно текущей ощеривается темной рябью.

Погода постоянно обращена к человеку. Она о нем помнит, создает ему настроение. Петербург кажется гигантской театральной сценой, «постановочным пространством» для самых больших исторических трагедий, а иногда и комедийных импровизаций.

Все это я пишу, осмысливая свои детские впечатления, в которых перемены погоды занимают особое место, ибо родители бдительно следят за тем, как я одеваюсь, выходя на улицу. То нужен башлык, и башлык можно повязать по-разному – стоячком или просто за спину, а то и обмотать вокруг шапки и шеи. Иногда галоши надо сменить на ботинки, надеть гамашки или теплые чулочки. Все зависит от погоды. Петербург живет погодой больше, чем любой другой город

России. Выходишь в одну погоду, а возвращаешься в другую.

Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века

Интеллектуальная жизнь Петербурга слабо, но касалась всех, кто жил в его пределах. Поэтому нельзя вспомнить об окружающем, ограничиваясь только тем, что видел и помнишь непосредственно.

Четкая «интеллектуальная граница» пролегла в Петербурге первой четверти XX века по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове, располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью – Академия наук с Пушкинским Домом, Азиатским музеем, Кунсткамерой.

Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы. Здесь в соседстве с императорскими дворцами и особняками знати нашли себе место не только императорские театры. На левом берегу Большой Невы на Большой Морской находился и выставочный зал Общества поощрения художеств. У Таврического сада существовала знаменитая «Башня» Вячеслава Иванова с журфиксами, на которых бывал весь интеллектуальный Петербург. На Литейном проспекте ее сменил известный «Дом Мурузи», где собирались поэты. На Надеждинской (теперь Маяковского) располагался Союз поэтов. На Троицкой улице функционировал «Зал Павловой», где выступал Маяковский. На Моховой улице в зале Тенишевского училища происходили дискуссии, в частности формалистов с «академистами». В зале Городской думы выступали поэт А. Туфанов и художник К. С. Малевич.

Итак, в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто «места жительства» «представителей творческой интеллигенции», а нечто совсем другое. Адреса художников различных направлений, писателей, поэтов, актеров вовсе не группируются в некие «кусты». В определенные «кусты» собираются «места деятельности», куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности (прошу извинения за это новое вводимое мной понятие), где можно было быть «без галстука», быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде.

Удивительна «связь времен». Знал ли я, садясь в конке на империал со своей нянькой, чтобы прокатиться в Коломну и обратно, что на остановке против Никольского собора на Екатерингофском я могу заглянуть прямо в окна квартиры Бенуа. Что я буду учиться в старшем пригготовительном классе в гимназии Человеколюбивого общества, где первоначально учился и А. Н. Бенуа. Что потом я перейду в гимназию и реальное училище К. И. Мая на Васильевском острове, куда перед тем задолго до меня перешел и он. Что моим любимым местом в Петергофе будет площадка Монплезира со стороны моря, которую и А. Н. Бенуа считал красивейшим местом под Петербургом. Что затем я буду долго и упорно хлопотать об издании в серии «Литературные памятники» его воспоминаний, переписываться с его дочерью Анной Александровной.

Все так близко и рядом. Даже в пространстве истории. Ведь А. Н. Бенуа видел в детстве маленького столетнего старичка – пажа Екатерины II, жившего в одном из служебных корпусов Петергофского дворца.

Связи небольшие, слабые, но они есть и они удивительны.

До чего же привлекательны для детей обычаи, традиции! На вербную неделю в Петербург приезжали финны катать детей в своих крестьянских санках. И лошади были хуже великолепных петербургских извозчичьих лошадей, и санки были беднее, но дети их очень любили. Дети любили именно победнее, но с лентами и бубенцами – лишь бы «поигрушечнее».

Гимназия Человеколюбивого общества

Осенью 1914 года я поступил в школу – в гимназию Человеколюбивого общества, ту самую, в которой одно время учился А. Н. Бенуа. Она находилась на Крюковом канале против колокольни Чевакинского, недалеко от дома Бенуа – того самого, от которого отходила конка в Коломну. На этой конке я любил ездить со своей нянькой, забравшись на империал. Какой волшебный вид на город открывался с империала!

Учиться я поступил восьми лет, и сразу в старший пригготовительный класс. Родители выбирали не школу, а классного наставника. И он в этом старшем пригготовительном классе был действительно замечательным. Капитон Владимирович! Он был строг, представителен, умен и отечески добр, когда это было можно. Это был воспитатель с большой буквы. Ученики его уважали и

любили. Ученики! Но они были со мной совсем другими, и у меня с ними сразу пошли столкновения. Я был новичок, а они уже учились второй год, и многие перешли из городского училища. Они были «опытными» школьниками. Однажды они на меня накинулись с кулачками. Я прислонился к стене и, как мог, отбивался от них. Внезапно они отступили. Я почувствовал себя победителем и стал на них наступать. Но я не видел инспектора, которого заметили они. В результате в дневнике у меня появилась запись: «Бил кулаками товарищей. Инспектор Мамай». Как я был поражен этой несправедливостью! В другой раз они бросали в меня на улице снежками и подвели к маленькому оконцу, из которого за поведением учеников наблюдал все тот же инспектор Мамай. В дневнике появилась вторая запись: «Шалил на улице. Инспектор Мамай». И родителей вызвали к директору.

Как я не хотел ходить в школу! По вечерам, становясь на колени, чтобы повторять вслед за матерью слова молитв, я еще прибавлял от себя, утыкаясь в подушку: «Боженька, сделай так, чтоб я заболел». И я заболел: у меня стала подниматься каждый день температура – на две-три десятых градуса выше 37. Меня взяли из школы, а чтобы не пропустить год, наняли репетитора. Это была польская школьница-беженка (шла зима 1915 года). Маленькая, худенькая. И нанималась она заниматься со мной за плату вместе с обедом. За обеденным столом она казалась совсем маленькой, и отец из жалости к ней подпилит ножки обеденного стола, сделал его ниже. Потом этот обеденный стол всегда приходилось ставить на стеклянные подножки от рояля, чтобы вернуть ему прежнюю высоту. От этой польской девочки я получил еще один урок национального воспитания. Рассказывая мне русскую историю, она увлеклась и стала говорить про польскую историю, а я взял да и выпалил ей в лицо: «Никакой польской истории нет». Я, очевидно, спутал историю с учебником истории. Учебника истории Польши действительно на русском языке не было. Но польская школьница стала мне возражать и вдруг заплакала. Этих слез мне и сейчас стыдно...

Гимназия и реальное училище К. И. Мая

В 1915 году я поступил в гимназию и реальное училище К. И. Мая на 14-й линии Васильевского острова. К этому времени мой отец получил в заведование электрическую станцию при Главном управлении почт и телеграфов и казенную

квартиру при этой станции. День и ночь квартира наша содрогалась от действия паровой машины. Сейчас этой станции и в помине нет. Двор пуст, нет и нашей квартиры. Но тогда посещение станции доставляло мне большое удовольствие. Громадное колесо вращалось поршнем, оно блестело от масла, было необычайно красивым.

В училище Мая мне надо было ездить на трамвае, но пробиться в трамвай было чрезвычайно трудно: площадки были забиты солдатами («нижними чинами», как их называли). Им разрешалось ездить бесплатно, но только на площадках вагонов. Жили мы рядом с Конногвардейским бульваром, и я наслаждался тогда вербными базарами, где можно было потолкаться около букинистических ларьков, купить народные игрушки и игрушки специально вербные (вроде «американских жителей», чертей на булавках для прикалывания к пальто, акробатов на трапециях, «тещиных языков» и проч.) и полакомиться вербными кушаньями.

Вербная неделя была лучшей неделей для детей в старом Петрограде, и именно здесь можно было почувствовать народное веселье и красоту народного искусства, привозимого сюда из всего Заонежья.

Ведь Петербург-Петроград не только стоял лицом к Европе, что ощущалось прежде всего в его пестром населении (немцы, французы, англичане, шведы, финны, эстонцы наполняли собой и школу К. И. Мая), но за его спиной находился весь Русский Север с его фольклором, народным искусством, народной архитектурой, с поездками по рекам и озерам, близостью к Новгороду.

О гимназии и реальном училище К. И. Мая написано много. Есть специальные юбилейные издания, много написано в «Воспоминаниях» А. Н. Бенуа, изданных в серии «Литературные памятники», есть и статья в журнале «Нева» (1983. № 11. С. 192–195). Не буду повторять всего того хорошего, что о ней уже сообщалось; отмечу только, что школа эта сыграла большую роль в моей жизни. Я чувствовал себя там прекрасно и, если бы не трудности дороги, не мог бы и желать лучшего. Я вырослел и был как раз в таком возрасте, когда особенно тяжело переживаются военные неудачи. Обсуждение военных неудач и всех возмутительных неурядиц в правительстве и в русской армии занимало изрядное место в вечерних семейных разговорах, тем более что все происходившее было как будто тут же, рядом. Распутин появлялся в ресторанах и домах, которые я видел,

мимо которых гулял, солдат обучали совсем рядом на любой свободной площади, спектакли в Мариинском театре начинались с томительного исполнения всех гимнов союзных России держав, и прежде всего с бельгийского гимна «Барбансон». Национальное чувство и ущемлялось, и подогревалось. Я жил известиями с «театра военных действий», слухами, надеждами и опасениями.

Школа К. И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. Класс был разношерстный. Учился и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и сын швейцара. Преподаватели тоже были разные. Старый майский преподаватель Михаил Георгиевич Горохов обучал нас два года перспективе почти как точной науке; преподаватель географии изумительно рассказывал о своих путешествиях и по России, и за границей, демонстрируя диапозитивы; библиотекарь умела порекомендовать каждому свое. Я вспоминаю те несколько лет, которые я провел у Мая, с великой благодарностью. Даже почтенный швейцар, который приветствовал нас по-немецки, а прощался по-итальянски, учил нас вежливости собственным примером – как много все это значило для нас, мальчиков!

Учителя не заставляли нас выдавать «зачинщиков» шалостей, разрешали на переменах играть в шумные игры и возиться. На уроках гимнастики мы главным образом играли в активные игры – такие, как лапта, горелки, хендбол («ручной мяч»). На школьные каникулы выезжали всей школой в какое-то имение на станцию Струги – Белая³ по дороге на Псков. Мы выпускали разные классные журналы и даже писали и размножали собственные сочинения в духе повестей Буссенара и Луи Жаколио без преподавательского надзора.

Я жалею, что не мог ходить на все вечерние занятия и школьные кружки, – уж очень трудная была дорога в переполненных трамваях.

Революция – внешние впечатления

Ни моя семья, ни я, одиннадцати-двенадцатилетний мальчик, разумеется, ничего толком не понимали, что происходит; и происходит почти на наших глазах, так как жили мы на Новоисаакиевской улице вблизи Исаакиевской площади. Семья

³ Название станции «Струги – Белая» произошло от того, что около нее помещались две большие деревни – Струги и Белая. Потом стали называть станцию «Струги Белые», а в революцию переименовали в «Струги Красные».

слабо разбиралась в политике.

Когда в первые дни Февральской революции «гордовики» (так называли в Петрограде городских) захватили вышку Исаакиевского собора и чердаки гостиницы «Астория» и оттуда обстреливали любую собиравшуюся толпу, мои родители возмущались «гордовиками» и боялись приближаться к этим местам. Но когда «гордовиков» стащили с их позиций и разъяренная толпа убивала их, родители возмущались жестокостью толпы, не особенно входя в дальнейшее обсуждение событий.

Когда мы с отцом ходили на Невский, чтобы посмотреть на непрерывно и, по-видимому, без особой цели маршировавшие под оркестры полки, звуки маршей поднимали нам настроение, но когда эти же полки шли нестройными рядами, мы огорчались, ибо помнили, с каким блеском шел до войны Конногвардейский полк по воскресеньям в свою полковую Благовещенскую церковь, с каким балетным искусством вышагивал впереди командир полка – полковник из русских немцев, как блестели кирасы и каски, как лихо крутил палку тамбурмажор перед оркестром.

Да и до революции... Когда мы с отцом гуляли по Большой Морской и видели, как строят дом и носят тяжести на своих спинах обутые в лапти, чтобы не скользить, крестьяне, приехавшие в город на заработки, я почти задыхался от жалости и вспоминал с отцом «Железную дорогу» Некрасова. То же самое происходило на любой набережной в местах, где разрешалось разгружать барки с кирпичом и дровами. Здоровенные катали вкатывали быстро-быстро свои тачки с тяжеленным грузом, чтобы взобраться, не останавливаясь, по узким доскам, перекинутым с бортов барж на набережную. Мы жалели каталей, старались представить себе, как они живут в отрыве от семей на этих барках, как замерзают по ночам, как тоскуют по своим детям, ради которых они, в сущности, и зарабатывали свой хлеб тяжелым трудом. Но когда эти же бывшие грузчики и носильщики, мастеровые и мелкие служащие пошли по бесплатным билетам на балет в Мариинский театр и заполнили собой партер и ложи, родители жалели о былом бриллиантовом блеске голубого Мариинского зала. Единственное, что на тех представлениях радовало родителей, – это то, что балерины танцевали не хуже прежнего. Спесивцева, а затем и Люком, были так же великолепны,

раскланивались перед новой публикой так же, как и перед старой. А ведь как это было замечательно! Какой урок уважения к новому зрителю давал нам всем тогдашний театр!

Школа Лентовской

Первое время после переезда в казенную квартиру на Петроградской стороне (Гатчинская, 16, или Лахтинская, 9) я продолжал учиться у Мая. В ней я пережил самые первые реформы школы, переход к трудовому воспитанию (уроки столярного искусства сменились пилкой дров для отопления школы), к совместному обучению мальчиков и девочек (к нам в школу перевели девочек из соседней школы Шаффе) и т. д.. Но ездить в школу в переполненных трамваях стало совершенно невозможно, ходить – еще труднее, так как затруднения в тогдашнем Петрограде с едой были ужасными. Мы ели дуранду (спрессованные жмыхи), хлеб из овса с кострицей, иногда удавалось достать немного мороженой картошки, за молоком ходили пешком на Лахту и получали его в обмен на вещи. Меня перевели поблизости в школу Лентовской на Плуталовой улице. И снова я попал в замечательное училище. Сравнительно со школой Мая «Лентовка» была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральная антрепренер Лентовская, дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей левонастроенные интеллигенты. У директора (Владимира Кирилловича Иванова) в директорском его кабинете была библиотечка революционной марксистской литературы, из которой он до революции секретно давал читать книги заслуживающим доверия ученикам старших классов.

Между учениками и преподавателями образовалась тесная связь, дружба, «общее дело». Учителям не надо было наводить дисциплину строгими мерами. Учителя могли постыдить ученика, и этого было достаточно, чтобы общественное мнение класса было против провинившегося и озорство не повторялось. Нам разрешалось курить, но ни один из аборигенов школы этим правом не пользовался.

В школе я наловчился рисовать карикатуры на учителей: просто – одной-двумя линиями. И однажды на перемене нарисовал всех на классной доске. И вдруг

вошел преподаватель. Я обмер. Но преподаватель подошел, смеялся вместе с нами (а на доске был изображен и он сам) и ушел, ничего не сказав. А через два-три урока пришел в класс наш классный наставник и сказал: «Дима Лихачев, директор просит вас повторить все ваши карикатуры на бумаге для нашей учительской комнаты»: были у нас умные педагоги.

В школе Лентовской поощрялось собственное мнение учеников. В классе часто шли споры. С тех пор я стремлюсь сохранять в себе самостоятельность во вкусах и взглядах.

II. Учеба в Ленинградском Университете и начало научной карьеры.

С 1923 по 1928 годы Лихачев Д. С. - студент факультета общественных наук Ленинградского государственного университета.

Факультет общественных наук. Сокращение ФОН шутивно расшифровывалось студентами как «Факультет ожидающих невест». Наличие студенток, хотя их было и немного, тогда казалось непривычным, до революции в университете учились только мужчины.

Состав студентов был пестрый: были вчерашние школьники, бывшие фронтовики, «вечные студенты» – учившиеся и работавшие по 10 лет, дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках.

Обязательного посещения лекций в те годы не было. Не было и общих курсов, так как считалось, что общие курсы мало, что могут дать фактически нового после школы. Студенты сдавали курс русской литературы XIX века по книгам, прочесть которых надо было немало. Зато предлагалось много курсов по выбору.

В университете Лихачев занимается одновременно в двух секциях отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского университета: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской.

Участие Дмитрия Сергеевича в «Некрасовском семинаре» профессора В. Е. Евгеньева-Максимова послужило импульсом к углубленному изучению первоисточников, что определило весь его

дальнейший путь в науке. Сам Дмитрий Сергеевич особо отмечает, что именно В. Е. Евгеньев-Максимов приучил его «не бояться рукописей», работать в архивах и рукописных собраниях. Так, уже в 1924—1927 гг. он подготовил исследование о забытых текстах Некрасова.

В те же годы Дмитрий Сергеевич изучал древнерусскую литературу в семинаре у профессора Д. И. Абрамовича.

Воспоминания Лихачева об университетских годах сохранили не только память о посещении лекций, участии в занятиях. Учеба в университете для Лихачева – это и бесконечные и очень свободные разговоры в длинном университетском коридоре, хождения на диспуты в лектории и собрания, которых в городе тогда было великое множество (зал Тенишевского училища, Дом печати и др), где, случалось, выступали Есенин, Чуковский, различные прозаики, актеры, посещения Большого зала Филармонии, где можно было встретить всех тогдашних знаменитостей – особенно из музыкального мира.

Время обучения в университете осталось в памяти Лихачева как эпоха расцвета русской гуманитарной науки. Такого созвездия ученых – литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов, какое представлял собой Ленинградский университет и Институт истории искусств в Зубовском дворце в 20-е годы, по мнению Д.С.Лихачева, не было в мире.

Вплоть до конца 1927 г. в городе действовали различные философские кружки, студенческие общества. Собирались – и в университете, и в Географическом обществе, и на дому. Относительно свободно обсуждались различные философские, исторические и литературоведческие проблемы. Получило тогда распространение и общение в шуточных кружках, в один из которых «Академию космических наук», Лихачева-студента приглашает его одноклассник по школе Лентовской Володя Раков.

Члены Космической Академии (КАН) прошли от Владикавказа до Сухума по Военно-Осетинской дороге, обзавелись на Кавказе тросточками, заявили о своей верности дружбе, юмору и оптимизму. У членов КАН было свое приветствие – «хайре» (греч.), свой гимн, свои «конференц-залы», свое священное место в Царском Селе на вершине Парнаса.

Космическая Академия Наук провозглашала принцип «веселой науки» –

науки, которая не только ищет истину, но истину радостную и облеченную в веселые формы. Один из постулатов этой «веселой науки» состоял в том, что тот мир, который создает наука путем исследования окружающего, должен быть «интересным», более сложным, чем мир до его изучения.

В 1928 году Лихачев заканчивает университет, пишет две дипломные работы. Неофициальную - о малоизученных «Повестях о патриархе Никоне», и официальную - исследование «Шекспир в России в XVIII веке». В том же году его жизнь резко меняется. В стране активно разворачивается эпоха репрессий интеллигенции. Кружки, даже такие, как Космическая Академия наук закрываются, а их участникам предъявляются обвинения в контрреволюционной деятельности. Формальным поводом ареста Лихачева послужил доклад о старой русской орфографии, "попранной и искаженной врагом Церкви Христовой и народа российского", сделанный в Академии. Лихачев арестовывается по обвинению в контрреволюционной деятельности, осуждается на 5 лет, попадает в тюрьму, затем в лагерь на Соловецких островах, а потом на строительство Беломоро-Балтийского канала.

III. Период заключения

Время в тюрьме, где Лихачев просидел в камере под следствием полгода, он характеризует как самое тяжелое в жизни. Но и в тюрьме, и на Соловках, и на строительстве Беломоро-Балтийского канала его при всех тяготах не оставляют духовные интересы, потребность в осмыслении высших ценностей. Даниил Гранин так пишет о этом периоде жизни Д.С.Лихачева: "В рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? - Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее"

Сам же Лихачев вспоминает, что Соловки были именно тем местом, где человек сталкивался с чудом и с обыденностью, с монастырским прошлым и с лагерным настоящим, с людьми всех уровней нравственности – от высочайшей до самой позорно низкой. Здесь были представители разных национальностей и разных профессий – бывших и настоящих.

Сталкивались две эпохи: одна дореволюционная, а другая сугубо современная, – типичнейшая для двадцатых и начала тридцатых годов".

По признанию Лихачева душевное здоровье на Соловках помогла ему сохранить соловецкая природа. " Летом она освещена не столько солнцем, сколько громадным высоким небом, зимой – погружена в низкую кромешную тьму, смягченную белизной снега, изредка прорываемую сполохами северного сияния, то бледно-зелеными, то кроваво-красными".

На Соловках, наверное, впервые, обнаружилась способность Лихачева, очень помогшая ему позднее и в блокаду – в самых физически тяжелых, порой чудовищных материальных условиях, прямой опасности, голоде находить в себе силы для активной духовной, интеллектуальной жизни.

«Странные все-таки дела творились нашими тюремщиками, - пишет о тех годах Лихачев. Арестовав нас за то, что мы собирались раз в неделю всего на несколько часов для совместных обсуждений волновавших нас вопросов философии, искусства и религии, они объединили нас сперва в общей камере тюрьмы, а потом надолго в лагерях, комбинировали наши встречи с другими такими же заинтересованными в решении мировоззренческих вопросов людьми нашего города, а в лагерях – широко и щедро с людьми из Москвы, Ростова, Кавказа, Крыма, Сибири. Мы проходили гигантскую школу взаимообучения, чтобы исчезать потом в необъятных просторах нашей родины.

В ужасных условиях лагерей и тюрем в известной мере сохранялась умственная жизнь. И эта умственная жизнь была даже в некоторых случаях весьма интенсивной, когда вместе оказывались люди, привыкшие и хотевшие думать. Перефразируя известную лагерную поговорку «был бы человек, а статья для него найдется», можно было бы сказать – «был бы думающий человек, а мысли у него будут».

На Соловках Лихачев активно включается в жизнь местного музея, приобщается к среде, сформировавшейся вокруг лагерного театра. Сама жизнь на Соловках иногда кажется ему театром абсурда с ее богатством интеллектуального общения в условиях лагеря с его атрибутами – чекистами, камерами, карцерами.

Открытость Лихачева интеллектуальному общению, его демократичность,

готовность к поддержке других людей помогла ему выжить и в лагерные годы на Соловках, и позднее на строительстве Беломоро- Балтийского канала, где его филолога, знавшие его еще по лагерю люди пристраивают к «бухгалтерским работам».

В августе 1931 Лихачев, как и многие другие, получил документы на досрочное освобождение без всяких ограничений. Такой подарок сделала власть большинству работавших тогда на Канале заключенным, в связи с окончанием строительных работ.

IV. После освобождения. 1930-е начало 1940 – х годов.

В 1932-1935 работает в Ленинграде литературным редактором, затем корректором. В 1935 году женится на Зинаиде Александровне Макаровой, от которой в 1937 году рождаются дочки-близнецы Вера и Людмила Лихачевы. С Зинаидой Александровной – Зиной он проживет многие, многие годы. В 1936 году по ходатайству президента Академии наук А. П. Карпинского с Лихачева постановлением Президиума ЦИК СССР снята судимость.

Как ни удивительно, но 1930-е годы сам Лихачев, у которого за плечами к тому времени были ни с чем не сравнимые по богатству интеллектуального общения годы обучения в университете, затем «школа жизни» на Соловках и строительстве Беломоро-Балтийского канала, считал для себя временем ученичества.

Всегда критично относясь к себе, он после окончания университета, еще в лагере и на строительстве стал «учиться писать». К самообразованию его подтолкнули осознаваемые недостатки регулярного образования. В школе, вспоминал, Лихачев, мы не писали классных работ и не делали домашних заданий (впрочем, домашние письменные работы все же иногда выполняли, но задавали их редко). Классные работы писать было нельзя.

Программу обучения Лихачев придумал себе сам. «Чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения, написанные хорошей прозой – научной, искусствоведческой. Я читал М. Алпатова, Дживилегова, Муратова, И. Грабаря, Н. Н. Врангеля (путеводитель по Русскому музею), Курбатова и делал из этих книг выписки – главным образом фразеологические обороты, отдельные

слова, выражения, образы и т. д.». И в лагере, и особенно после освобождения, Лихачев пишет каждый день, стараясь оформить собственную, внутреннюю устную речь, догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю – адресату письма или просто читателю. Так он совершенствовался, и, когда в 1931 г. работал на железной дороге в Званке и в Тихвине диспетчером (в перерыве между прибытием товарных составов), и вечерами, приходя со службы, когда работал корректором. Годы работы над собственным стилем оказали сильнейшее влияние на всю последующую жизнь Лихачева как ученого, сформировав собственный почерк глубоко личный, эмоциональный, образный и доступный.

С 1938 года Д.С.Лихачев - научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. В 1941 году он защищает диссертацию на степень кандидата филологических наук на тему: "Новгородские летописные своды XII века".

V. Блокада

С осени 1941 по весну 1942 Лихачев с семьей находится с семьей в блокадном Ленинграде. В воспоминаниях Лихачева вся чудовищность блокады предстает в своей жестокой правде с, продиктованными нечеловеческими условиями жизни, нечеловеческими же поступками людей: с брошенными во имя продления собственной жизни или во имя спасения других детьми и стариками; с воровством карточек на продукты, с чудовищным, в буквальном смысле обрекающим на смерть равнодушием и жестокостью чиновников. Картины блокады в воспоминаниях Лихачева иногда ярки и подробны? иногда язык описания сух и лаконичен, но и тогда суть описания доходит до сердца: «Вымерли все этнографы, Сильно пострадали библиотекари, умерло много математиков – молодых и талантливых. Но зоологи сохранились: многие умели охотиться».

От гибели в блокаду семья Лихачевых во многом спаслась благодаря жене Зине, выстаивавшей страшные очереди за продуктами. И все же в блокаду умирает его отец. О его смерти Лихачев оставил проникновенные, полные печали строки.

«Я не плакал об отце. Люди тогда вообще не плакали. Но пока был жив отец, как бы он слаб ни был, я всегда чувствовал в нем какую-то защиту. Он мне всегда был отец, даже тогда, когда ссорился с ним, был на него сердит, я всегда чувствовал в нем человека более сильного. Со смертью отца я почувствовал страх перед жизнью. Что будет с нами? Хотя отец ничего уже давно не мог сделать, не мог даже придумать выхода из положения, я чувствовал себя всегда вторым после него. Теперь я почувствовал себя первым, ответственным за жизнь семьи в еще большей мере, чем раньше: Зины, детей, мамы. Комната отца стояла пустая, пуст был его маленький красный диван, на котором он спал. Осиротела мебель, которую он заботливо покупал когда-то для семьи».

Лихачев не был бы верен себе, если бы и в этих невероятных по своей тяжести условиях не сохранял все богатство интеллектуальной жизни, потребность в духовном самостроительстве.

«Человеческий мозг умирал последним, - пишет о блокаде Лихачев. « Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами, мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, от души мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию.»

Годы блокады для Лихачева это и работа в Пушкинском доме, и подготовка первой книги "Оборона древнерусских городов" (1942), написанной совместно с М. А. Тихановой.

В 1942 году Лихачев вместе с семьей эвакуируется по Дороге жизни из блокадного Ленинграда в Казань, в том же году получает медаль "За оборону Ленинграда", а в 1946 награждается медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.".

VI. Лихачев - ученый, преподаватель, публицист

Еще в 1938 году, когда Лихачев входит в состав сотрудников Сектора древнерусской литературы Института русской литературы, он обращается к широкому кругу вопросов, связанных с историей древнерусского летописания.

Научным открытием Лихачева является обнаружение связи летописей XI—XII вв. с народной поэзией и живым русским языком. Древнерусским летописям посвящен и цикл работ Д.С.Лихачева 40-х годов, которые сразу привлекли читателей строгостью метода, свежестью и обоснованностью выводов. Эти же работы позволили обнаружить еще одно ценное качество ученого — умение изложить свои научные наблюдения так, чтобы они заинтересовали широкие круги читателей — неспециалистов. Это внимание к читателю, стремление внушить ему интерес и уважение к прошлому России пронизывают и все дальнейшее творчество Д. С. Лихачева, делают его научно-популярные книги лучшими образцами этого жанра.

Очень верно роль Лихачева в возрождении древнерусской литературы обозначил один из его коллег по цеху ученых Д.Н.Альшиц. Он пишет: « Благодаря усилиям его самого и возглавляемой им когорты ученых, древнерусская литература всплыла из тьмы веков на поверхность современной культурной жизни во всей своей красе, во всем своем величии»

Углубленные занятия Д.С.Лихачевым древнерусской литературой совпали со временем, когда жизнь исторической науки, посвященной дореволюционной России вообще, а древнерусской истории в особенности, могла превратиться, а отчасти и стала превращаться, в жалкое прозябание, в "ненужное" и даже "вредное" занятие, со всеми вытекающими из такого подхода последствиями.

30-40 годы - время, когда официозные историки начали разворачивать борьбу против "ухода в прошлое", против занятий "неактуальными темами и проблемами". По историческому факультету Ленинградского университета, гремя палкой, шагал известный в те времена официозный историк СССР профессор Корнатовский, который запрещал студентам задавать ему вопросы, касающиеся досоветской истории. «Нет возможности даже перечислить все то, что сделал Д. С. Лихачев для историков и исторической науки», пишет тот же Альшиц «но можно с полным основанием сказать, что в значительной степени благодаря ему "свеча" изучения истории России древнего периода, зажженная нашими великими предшественниками - Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, не погасла на колючих ветрах казенных идеологических бурь».

Углубленное изучение русских летописей привело к возвращению к читателю классического памятника — «Повести временных лет». Заново критически проверенный текст «Повести временных лет» был бережно и точно переведен Д. С. Лихачевым (совместно с Б. А. Романовым) на современный литературный язык, с сохранением своеобразного строя речи.

Исследование истории русского летописания вовлекло в круг разысканий Д. С. Лихачева смежные литературные памятники. Оно поставило перед ним, в частности, вопросы о значении народной поэзии в развитии повествования.

В 1947 Лихачев защищает диссертацию на степень доктора филологических наук на тему: "Очерки по истории литературных форм летописания XI -XVI вв."

С 1950 г. Д. С. Лихачеву принадлежит одно из ведущих мест среди исследователей «Слова о полку Игореве». Д.С. Лихачев переводит текст на современный литературный язык, дает истолкование «темных мест» древнего памятника. «Словом» Д. С. Лихачев занимается многие годы. Он вносит немалый вклад в разработку вопроса об его авторе как личности, представителе определенной социальной и профессиональной категории. В то же время Лихачев неоднократно выступал против дилетантских попыток «угадывания автора «Слова». Неоценима роль Д. С. Лихачева в популяризации этого выдающегося памятника. Им подготовлены издание «Слова» для школьников, иллюстрированное великолепными гравюрами В. А. Фаворского, книга для учителей ««Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк», популярные книги — ««Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк» и ««Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы» .

В художественном методе древнерусских писателей Лихачева, прежде всего, интересовали способы изображения человека — его характера и внутреннего мира. Сжатые, но выразительные характеристики всех важнейших памятников литературы до начала XIII в. включительно позволили ученому представить основные черты литературного процесса изученного периода. «Русская литература,- пишет Лихачев, движется по своему, самостоятельному руслу, беря истоки в дописьменной, устной литературе и фольклоре, захватывая в своем мощном движении произведения переводной литературы, перерабатывая их, отбирая то, что в первую очередь отвечало русским потребностям, и стремясь

вперед, к постепенному накоплению элементов реалистичности, к освобождению от церковности. В этом мощном течении борются силы прогрессивные с силами консервативными, социальный опыт с инертной идеалистической богословской системой, элементы национальные, твердо опирающиеся на запросы и нужды русской жизни, с традициями церковной литературы» (*Лихачев Д. С. Литература // История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. М.; Л., 1951. С. 176—177*).

Обобщением наблюдений Д. С. Лихачева над художественной спецификой древнерусской литературы стала его книга «Поэтика древнерусской литературы» (1967), удостоенная Государственной премии СССР 1969 г.

Исторический подход к изучению художественного мастерства литературы Древней Руси характеризует и постановку Лихачевым других научных вопросов. Он обосновывает в самых общих чертах вывод: литературные направления появляются лишь в XVII в., «с классовым расслоением литературы на литературу господствующих верхов и демократических низов. С этим расслоением возникает резкое различие идеологий, создается возможность выбора художественного метода, возникают споры в области эстетики, зарождаются элементы литературной критики, появляются первые профессиональные писатели, стабилизируются тексты литературных произведений, — все это создавало необходимые условия и самую потребность в литературных направлениях» (*Лихачев Д. С. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе // Русская литература . 1958. № 2. С. 13*).

Если в своих работах 50-х годов Дмитрий Сергеевич сосредоточился на изучении процесса возникновения древнерусской литературы и начального этапа ее развития, то в последующих исследованиях он обратился к узловым проблемам ее истории, пытаясь понять, почему «русское Предвозрождение не перешло в настоящее Возрождение». По мнению Д. С. Лихачева, «ответ следует искать в ускоренном развитии единого централизованного государства, поглощавшего культурные силы, в гибели городов-коммун — Новгорода и Пскова, служивших в XIV и в начале XV в. базой предвозрожденческих течений, и, самое главное, в силе и мощи церковной организации, подавившей ереси и антиклерикальные течения» (*Лихачев Д. С. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV века*

// Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 181.).

Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение художественной системы литературы XI—XVII вв. на путь подлинного историзма, вывести его за пределы механического накопления фактов. Они призывают к сравнительному изучению литературных стилей разных периодов русского средневековья, к объяснению изменений в стилях, обусловленному новыми задачами литературы, возникавшими в новой исторической обстановке.

Теоретические проблемы не могут решаться в отрыве от конкретных историко-литературных исследований и, прежде всего, от исследований отдельных литературных памятников. Диапазон памятников, которые исследовал сам Д. С. Лихачев, чрезвычайно широк — помимо «Слова о полку Игореве» он изучил «Моление Даниила Заточника» и «Поучение» Владимира Мономаха, сочинения Ивана Грозного и «Повесть о Горе-Злочастии», целый ряд других источников.

Лихачев обращался и к изучению древнерусской "смеховой культуры". В книге "Смеховой мир" Древней Руси" (1976), он впервые поставил и разработал проблему специфики смеховой культуры Древней Руси, рассмотрел роль смеха в общественной жизни того времени, что позволило ему по-новому осветить некоторые черты в поведении и литературном творчестве Ивана Грозного, в русской народной сатире XVII в., в произведениях протопопа Аввакума.

Д. С. Лихачев никогда не замыкался в изучении только древнерусской литературы: сами закономерности ее эволюции, так блестяще выявленные и описанные ученым, вели к необходимости продолжить анализ «линий развития», устремляясь дальше и дальше по историческому пути русской культуры.

.Большой интерес представляет концепция Д. С. Лихачева, согласно которой не было и не могло быть резкого разрыва между "новой древней" и новой русской литературой, ибо уже в течение всего XVII в. совершался переход от средневековой литературы к литературе нового времени, и последняя не родилась на пустом месте в процессе коренных перемен начала XVII в., а естественно завершила тот длительный многовековой процесс, который происходил в литературе Древней Руси с момента ее формирования. Этот вопрос особенно

подробно был рассмотрен Лихачевым в книге "Художественное наследие Древней Руси и современность" (1971), написанной совместно с В.Д. Лихачевой.

Умение связать воедино различные сферы культуры и объяснить их, исходя из общих эстетических концепций времени, привело Дмитрия Сергеевича к новой теме - поэтике садово-паркового искусства. В 1982 г. выходит его оригинальная по замыслу книга "Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей", основанная на материалах по истории садов и парков в России и Западной Европе от средневековья и до начала нашего века.

Д. С. Лихачев придавал огромное значение гуманитарным наукам, их общественному значению, их огромной роли в воспитании патриотизма. Лихачев выдвинул особое понятие - "экология культуры", поставил задачу бережного сохранения человеком среды, созданной "культурой его предков и им самим". Этой заботе об экологии культуры в значительной мере посвящен цикл его статей, вошедших в книгу "Заметки о русском" (1981).

О необходимости знать и любить историю своей страны, ее культуру говорится во многих статьях Лихачева, обращенных к молодежи. Этой теме посвящены в значительной своей части его книги "Земля родная" (1983) и "Письма о добром и прекрасном"; (1985), специально адресованные молодому поколению.

Науку и культурные ценности творят люди. Благодарная память о них не должна предаваться забвению. Лихачев создал целую серию очерков о своих старших товарищах - выдающихся ученых В. П. Адриановой-Перетц, В. М. Жирмунском, П. Н Беркове, И. П. Еремине, Н. И. Конраде, Н. К. Гудзии, Б. А. Романове и др. Это не только воспоминания мемуарного характера, но одновременно и очерки истории науки, это как бы небольшие гимны лучшим качествам ученых - их увлеченности, трудолюбию, эрудиции, таланту. Естественно примыкает к этим воспоминаниям об ученых подборка афоризмов и суждений, названных автором "Мысли о науке". Очерки и афоризмы Лихачева об ученых и науке вошли в книгу "Прошлое - будущему" (1985).

Огромен вклад Лихачева в различные области научного знания - литературоведение, историю искусства, историю культуры, методологию науки. Но многое сделал Дмитрий Сергеевич для развития науки не только своими книгами и статьями. Значительна его преподавательская и научно-организационная

деятельность. В 1946- 1953 гг. Дмитрий Сергеевич преподавал на историческом факультете Ленинградского государственного университета, где вел спецкурсы - "История русского летописания", "Палеография", "История культуры древней Руси".

VIII. Общественная деятельность Д.С.Лихачева

Наиболее ярко Лихачев проявляет себя как общественный деятель в 1960-е 1990-е годы. Общественная деятельность Д.С.Лихачева тесно связана с заслуженной репутацией крупного ученого, историка литературы. Уникально его место в общественной жизни как борца за права культуры.

«Его забота о современной культуре и качестве жизни выходит за рамки научных статей. Многие годы он был движущей силой, стоящей за усилиями по сохранению и украшению Ленинграда и его окрестностей. Он направлял и воодушевлял современных художников, мыслителей и писателей» (Робин Милнер-Гулланд, профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex).

Д. С. Лихачев сыграл исключительную роль в спасении от гибели крупнейшего в мире собрания русских рукописей - Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ — Российская национальная библиотека). «Невозможно себе представить, каков был бы масштаб того ущерба русской и мировой науке, русской и мировой культуре, к которому привела бы ликвидация Отдела рукописей целиком как такового. Но именно такое преступление, способное затмить подвиг Герострата, практически подготовили в 1962 г. тогдашняя дирекция Публичной библиотеки и Министерства культуры. В целях освобождения, под "актуальные книжные фонды", нескольких залов было решено вывезти и сдать в разные архивы Министерства Внутренних Дел (МВД) все фонды Отдела рукописей. Если бы это дикое намерение осуществилось, его последствия оказались бы катастрофическими. Все шифры, все ссылки на рукописи Публичной библиотеки во всех книгах и статьях, опубликованных за полторы сотни лет во всем мире, разом стали бы недействительными. Доступ ученых и читателей к рукописям прекратился бы полностью. И не только из-за специфического режима архивов

Министерства Внутренних дел. Но уже из-за того, что на их новую расстановку, шифровку, каталогизацию потребовались бы десятилетия. Если бы вообще этим стали заниматься. На это потребовались бы многочисленные специалисты, в том числе десятки знающих многие различные языки народов мира «(Д.Н.Альшиц) .

Помощник Дмитрия Сергеевича на протяжении многих лет И.А.Лобакова вспоминала: « Большинство жителей нашей страны, Дмитрий Сергеевич воспринимался как главный хранитель памятников культуры, и сколько людей приходили к нему с просьбой помочь отстоять, спасти, сохранить храмы и музеи, парки и школы, дома и имена людей, улиц, городов!.

Очень точно охарактеризовал общественную позицию Д.С.Лихачева его многолетний друг и соратник Д.С. Гранин в книге «Тайный знак Петербурга».

«Со всех сторон обращаются к нему, взывают "Остановите вандалов! Сносят памятники! Нужны средства! Вырубают парки!" Лавина просьб и обращений готова погрести его. Как Сизиф, он продолжает толкать свой камень. Иногда я сочувствую безнадежности его усилий. Тогда он говорит мне: "Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры, высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились. Каждый человек должен заявлять свою позицию. Не можете публично, - хотя бы друзьям, хотя бы семье".

Первое выступление Лихачева в прессе в защиту памятников старины в "Литературной газете относится к 1955 году. С этого времени Лихачев постоянный участник множества фондов, комиссий, занимающихся вопросами культуры. С 1965 по 1975 год он входит в Комиссию по охране памятников культуры при Союзе художников РСФСР. С 1982 он участвует в работе Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В 1986 году по его инициативе создан Советский фонд культуры (с 1991 - Российский фонд культуры), бессменным председателем которого он является до 1993 года. С 1983 по 1999 год – Лихачев - Председатель Пушкинской комиссии Академии наук СССР.

С течением времени авторитет Лихачева приобретает международную известность. Большой резонанс имели выступления Дмитрия Сергеевича на

международных съездах славистов, на конференциях, в научных обществах и университетах ряда зарубежных стран. Действительный член Академии Наук СССР с 1970 г. Лихачев избирается иностранным членом академий - Болгарской (1963), Венгерской (1973), Сербской (1971), Национальной академии Деи Линчеи (Италия, 1987), членом-корреспондентом Австрийской (1968), Британской (1976), Геттингенской (ФРГ, 1988) академий, почетным доктором университетов Бордо (1982), Будапешта (1985) Оксфорда (1967), Софии (1988), Цюриха (1983), Эдинбурга (1971), Университета имени Николая Коперника в Торуне (1964).

«Его приглашают президенты Италии, Финляндии, президент Египта обстоятельно беседует с ним о библиотеке в Александрии. Лихачев ведет долгий разговор с Папой Римским о русском искусстве. Вацлав Гавел разговаривает с ним об истории культурных отношений. Почему его так настойчиво приглашают и так принимают за рубежом? Могу судить об этом лишь по собственным впечатлениям. С ним всегда интересно говорить, увлекает его мысль. Она всегда свежая, независимая, оснащена примерами. Слушать его - наслаждение. Его идея о единстве культуры захватывает собеседника. Он - миссионер русского искусства. Он убежден, что памятники культуры принадлежат всему миру. Они общее достояние. Их сохранность - всемирная забота и всемирная ответственность.

Думаю, что визиты этого русского академика с тихим голосом запоминаются больше, чем официальные переговоры, с хитроумными ходами и медными звуками гимнов.»(Д.Гранин. Тайный знак Петербурга) .

Общественные интересы Д.С. Лихачева не замыкались только вопросами охраны памятников. Он избирался депутатом Ленинградского городского Совета (1961 - 1962, 1987 - 1989), был членом комиссии по правам человека при Администрации Санкт-Петербурга. В 1989 - 1991 Д.С.Лихачев - Народный депутат СССР.

В 1980 -1990- е годы Лихачев участвует в Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в международном форуме "За безъядерный мир, за выживание человечества", в международной встрече "Международный фонд за выживание и развитие человечества", Международном коллоквиуме "Творение мира и предназначение человека".

Научная и общественная деятельность Д.С. Лихачева была широко отмечена целым рядом общественных и государственных организаций. Лихачев – лауреат Государственных премий, (1969, 1991), обладатель российских и зарубежных орденов, полученных уже в 1960-е -1990-е годы. Государственный Совет Народной Республики Болгарии дважды награждает Лихачева орденом Кирилла и Мефодия I степени (1963, 1977), международными премиями имени братьев Кирилла и Мефодия (1979) и имени Евфимия Тырновского (1981), а в 1986 г. Д. С. Лихачев был удостоен высшей награды Болгарии- ордена Георгия Димитрова. В 1984 году имя Д. С. Лихачева присвоено малой планете № 2877, открытой советскими астрономами: (2877) Likhachev-1969 TR2. В 1988 году. Ему Присуждена Международная литературно-журналистская премия г. Модены (Италия) за вклад в развитие и распространение культуры, в 1989 году - Европейская (1-я) премия за культурную деятельность. В 1991 решением Санкт-Петербургского Совета народных депутатов Лихачеву присвоено звание первого Почетного гражданина Санкт-Петербурга. В 1993 году Президиумом Российской Академии наук ученый награжден Большой Золотой медалью им. М. В. Ломоносова за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

В 1996 г. он награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" второй степени, в 1997 г. Международный Литфонд присуждает ему премию "За честь и достоинство таланта". В 1998 г. за вклад в развитие отечественной культуры Д. С. Лихачев становится первым кавалером учрежденного Российским правительством ордена апостола Андрея Первозванного "За веру и верность Отечеству", в том же году он награждается Международным серебряным памятным знаком "Ласточка мира" (Италия) за большой вклад в пропаганду идей мира и взаимодействия национальных культур.

Жизнь Лихачева и в зрелые годы не была избавлена от трагедий и катаклизмов. В 1981 году погибает в автокатастрофе его дочь Вера. В те же 1980-е у него складываются очень напряженные отношения с партийными властями Ленинграда.

Неизвестные поджигают его квартиру, уже очень пожилого человека избивают. Он не ищет ни примирения, ни компромисса, не представляет себя ни

мучеником, ни диссидентом. О тяготах безвременья эпохи Брежнева, он позже не расскажет ни в своих воспоминаниях, ни в выступлениях

Ни невзгоды и личная трагедия до последних дней не умеряли «горения» его души, интенсивной работы мысли, душевного накала. Уйдя из жизни 30 сентября 1999 года, Д.С.Лихачев остался и в памяти тех, кто его знал лично, и его многочисленных читателей и зрителей «великим островом русской культуры».

Завершить биографические страницы жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева мы хотим строками из воспоминаний, людей, одной с ним группы крови - ученых, писателей, историков. Именно они оставляют нам его живой портрет.

VIII. Д.С.Лихачев в отзывах современников

Опульская Л.Д. Незадолго до рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева Антон Павлович Чехов отправил своему брату-художнику длинное письмо о воспитанности, ее признаках и условиях. Закончил письмо словами: "Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля ... Тут дорог каждый час..." Дмитрий Сергеевич провел так всю жизнь — и когда был "ученым корректором", и когда стал прославленным академиком.

Лобакова И.А. Считая, что чувство собственного достоинства одно из важнейших качеств интеллигентного человека, Дмитрий Сергеевич всячески его поддерживал. А способность унижить и оскорбить это чувство в другом человеке считал самым недопустимым, так как всегда полагал, что это оборотная сторона готовности лакействовать и унижаться. И потому ничего ему не давалось так трудно, как не проявить досады и раздражения, когда он сталкивался с раболепством и угодничеством по отношению к себе.

Робин Милнер-Гулланд. Этот, несомненно, великий человек был полон ощущения радости жизни - именно таким я запомнил его.

Аверинцев СС. Им была прожита с сознательно зорким вниманием долгая жизнь посреди катаклизмов сменявших друг друга эпох.

Д.А.Гранин Он вводил нас в мир высокой русской культуры и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения.

Кристофер Х. Смит. Академик Лихачев воплощал в себе все то, что пережила Россия в этом столетии. Лихачев, с его любовью к своей стране, сочетавшейся с терпимостью и здравым смыслом, олицетворял собой "русский национализм" в лучшем смысле этого слова. И хочется верить, что его пример и его идеи будут процветать в России XXI-го века.

Литература

Аверинцев С. С. Памяти Д.С.Лихачева - Литературная газета. 1999. № 40.

Адрианова – Перетц В. П., Салмина М. А - Д. С. Лихачев. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 11-42.

Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. / Сост. Е.Г. Водолазкин. - СПб.: Изд-во "Logos". - 2002.

Гранин Д. Тайный знак Петербурга. - СПб.: Издательство "Logos", 2000. - С. 333-339

Лихачев Д.С. Воспоминания/ Ред. Т.Шмакова.-2-е изд., перераб. - СПб.: Logos, 1999.

Опульская Л.Д. Памяти Д.С.Лихачева - Новый мир. 1999. № 12. С. 239—240.

Учебники, которыми можно воспользоваться при подготовке «уроков Лихачева»

Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. Россия и мир в XX веке. 11 кл., Просвещение, 2002-2003

Волобуев О.В., Кулешов С.В. История России. XX в. Ч. 1. 11 кл. - Мнемозина, 2002-2003

Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В. и др. Россия и мир XX век. 11 кл., - Дрофа, 2002-2003

Загладин Н.В. История России и мира. XX век. 11 кл. - Русское слово, 2002

Загладин Н.В., Козленко С.И. и др. История Отечества. XX век. 11 кл. - Русское слово, 2003

Ионов И.Н. Российская цивилизация. 10-11 кл. ,- Просвещение , 2001-2002

Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. История России. XX - XXI века. 11 кл.- Просвещение, 2002-2003,

Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 кл. - Дрофа, 2000-2003

Чубарьян А.О., Данилов А.А. и др. Отечественная история. XX - начало XXI века. 11 кл. - Просвещение, 2003

Чубарьян А.О., Данилов А.А. и др. Отечественная история. XX - начало XXI века. 11 кл., - Просвещение, 2003

Щетинов Ю.А. Дополнительные материалы к учебнику «Россия в XX веке», 11 кл.- Просвещение, 2002